

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ И ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА КНДР

Пак Сан Хун

Институт внешней политики и национальной безопасности (Республика Корея)
Республика Корея, Сеул, Сеочо-гу Сеочо-донг, 13-76-2, 137-863

В статье анализируются современные аспекты проблемы нераспространения ядерного оружия на примере международных подходов к ядерной программе КНДР, а также усилия мирового сообщества по ее разрешению, в особенности по линии Шестисторонних переговоров.

Ключевые слова: Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), МАГАТЭ, Северная Корея, ядерная программа, ядерная проблема, Шестисторонние переговоры.

После Карибского кризиса 1962 г., чуть не приведшего к мировой ракетно-ядерной войне, СССР и США как ведущие ядерные державы пришли к выводу, что, во-первых, гонка вооружений должна быть в какой-то мере ограничена, а во-вторых — что доступ новых членов в «ядерный клуб» должен быть закрыт. В итоге в 1968 г. СССР, США и Великобританией, а также еще примерно полусотни стран, уже тогда определивших для себя, что они не нуждаются в собственном ядерном оружии, был подписан Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), вступивший в силу в 1970 г. После присоединения к нему в 1992 г. Франции и КНР его членами оказались все пять ядерных держав — постоянных членов Совета Безопасности ООН. Однако, к сожалению, это не остановило расползание ядерного оружия. Еще в 1970-х гг. Израиль создал свои первые ядерные устройства, причем сотрудничая в этой сфере с режимом апартеида в Южно-Африканской Республике. Шахскому Ирану хватило бы нескольких лет для обретения потенциала по созданию ядерного оружия, но этому помешала революция 1979 г. При этом все указанные страны категорически отрицали даже наличие такого рода намерений.

Положение изменилось в 1998 г., когда не состоящие в ДНЯО Индия и Пакистан явочным порядком влились в «ядерный клуб». Ситуация еще больше усугубилась, когда Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) сначала вышла из ДНЯО в 2003 г., а затем официально заявила о проведении первого ядерного испытания в 2006 г., за которым последовало еще одно в 2009 г. Одновремен-

но появились и подозрения относительно ядерной программы Исламской Республики Иран [1].

С формально-юридической точки зрения Индия и Пакистан не могут быть подвергнуты осуждению за нарушение положений ДНЯО, поскольку не состоят в нем. Обе страны утверждают, что нуждаются в ядерном оружии исключительно в целях самообороны друг против друга, но могли бы присоединиться к ДНЯО — при условии присоединения другой стороны. Но это маловероятно, ибо у Индии есть еще один потенциальный противник, который «законно» обладает ядерным оружием — Китай. Иран же по сути дела подозревается лишь в стремлении стать «пороговым государством», быть которым ДНЯО не запрещает.

Ситуация с КНДР совершенно иная. Она открыто заявляет о проведении ядерных испытаний и наличии у нее ядерного оружия. При этом она обладает, помимо границы с Республикой Корея, также общими границами с двумя ядерными, но не враждебными ей державами — КНР и Россией, а также имеет дело с базирующимися в регионе вооруженными ядерным оружием силами Соединенных Штатов Америки, которых она рассматривает в качестве своего самого опасного врага. Поэтому понятно, что возможность отказа Северной Кореи от ядерного оружия на взаимной основе с любой или всеми тремя региональными ядерными державами полностью отсутствует — он возможен лишь в одностороннем порядке. Это делает северокорейскую ядерную проблему особенно сложной и комплексной, и она имеет много измерений или уровней. Представляется целесообразным осмысливать ее на трех уровнях — глобальном, региональном и национальном.

На глобальном уровне данная проблема — серьезная угроза режиму нераспространения в качестве негативного примера для других стран. Данный факт очевиден для любых непредубежденных исследователей.

На региональном уровне конфликт из-за этой проблемы — сердцевина более широкой проблемы безопасности в Северо-Восточной Азии. Представляются обоснованными опасения, что если при появлении у Северной Кореи ядерного потенциала возникнут сомнения в готовности США выполнять свои обязательства по защите союзников, то последние, скорее всего, тоже устремятся к обладанию ядерным оружием.

На национальном уровне военная ядерная программа КНДР служит главной помехой для экономического развития Севера и Юга Кореи, для межкорейского примирения и, в конечном счете, воссоединения страны. Этот уровень включает в себя факторы и процессы на уровне отдельно взятых вовлеченных в конфликт государств и их правительств. На этом уровне в наибольшей степени на развитие ситуации влияют шаги, которые предпринимают Республика Корея (РК), США, КНР, Россия и Япония.

Следует напомнить, что в ответ на вывод США своих тактических ядерных вооружений из Южной Кореи в сентябре 1991 г. РК и КНДР в декабре того же года подписали Соглашение о примирении, ненападении, обменах и сотрудничестве, а в январе следующего — Совместную декларацию Севера и Юга о денуклеаризации Корейского полуострова. Однако уже в 1993 г. разразился первый ядерный кризис, когда КНДР очень ненадолго приостановила свое участие в ДНЯО. И тогда президент РК Ким Ён Сам тесно увязал ядерную проблему с прогрессом в двусто-

ронных отношениях. В 1994 г. посредничество экс-президента США Дж. Картера помогло сторонам согласиться на проведение саммита, но внезапная смерть лидера КНДР Ким Ир Сена ликвидировала перспективы переговоров.

Тем не менее КНДР осталась в ДНЯО, а 1998 г. новый южнокорейский президент Ким Дэ Чжун начал активно проводить принципиально новую политику всеобъемлющего и активного взаимодействия с Севером, которая продолжалась и на всем протяжении президентства его преемника Но Му Хёна. Однако эта политика «солнечного тепла», символами которой стали саммиты «Ким-Ким», т.е. Ким Дэ Чжуна и нового лидера КНДР Ким Чен Ира (2000 г.) и саммит «Но-Ким», т.е. Но Му Хёна с Ким Чен Иром (2007 г.), распространилась в основном на экономические и гуманитарные обмены. Она так и не смогла запустить мирный процесс, поскольку Север отказался обсуждать вопросы безопасности, включая ядерную проблему.

Благодаря подписанию Рамочного соглашения, достигнутого с помощью серии двусторонних переговоров между Соединенными Штатами и Северной Кореей в 1994 г., первый ядерный кризис закончился, но предпосылки для него остались. С началом второго ядерного кризиса в 2003 г. новой платформой для обсуждения проблемы стали Шестисторонние переговоры с участием обоих корейских государств, США, КНР, России и Японии. Однако такие важные прорывы, как Совместная декларация от 19 сентября 2003 г. и Соглашение от 13 февраля, состоялись лишь благодаря двусторонним американо-северокорейским переговорам.

Частично причина того, почему не удалось серьезно обсудить северокорейскую ядерную проблему на межкорейском уровне, заключается в дефиците воли у прежних южнокорейских правительств. Они имели склонность заниматься лишь более простыми вопросами, без серьезных возражений отступая перед отказом Пхеньяна обсуждать ядерную проблему. Во-вторых, характерные особенности северокорейского ядерного кризиса за прошедшие годы стали другими и вышли за рамки отношений Север-Юг [6]. Рамки Шестисторонних переговоров предусматривал участие РК в обсуждении ядерной проблемы, но тем самым они сами по себе ограничили возможность ее разрешения на межкорейской основе. Поэтому выпадение ядерной проблематики из повестки дня межкорейских встреч частично произошло из-за отсутствия воли у Сеула, но главная причина — изменившиеся за последние двадцать лет характеристики проблемы [6].

После инаугурации президента Ли Мён Бака в Южной Корее в феврале 2008 г. межкорейские отношения остаются напряженными, особенно в плане наличия противоположных точек зрения на вопрос о реализации договоренностей, достигнутых в итоге двух межкорейских саммитов в 2000 и 2007 гг. С точки зрения новой администрации, проводившаяся десять лет политика «солнечного тепла», межкорейские диалоги и обмены, сотрудничество и помощь Юга Северу не сумели подтолкнуть Северную Корею к отказу от ядерной программы.

Новая южнокорейская администрация стала больше внимания уделять проблеме денуклеаризации. При этом она дала ясно понять, что если Север продемонстрирует свою решимость отказаться от ядерного оружия, то Юг готов к осуществлению всеобъемлющей программы развития межкорейского экономического сотрудничества. Пхеньян оказался крайне недоволен такими переменами и стал

выражать это наращиванием враждебной пропаганды и реальными физическими мерами в отношении РК. Это выразилось и в потоплении в 2009 г. южнокорейского корвета «Чхонан», вину за которое и РК, и США, и Япония возложили на Пхеньян, хотя КНДР не признала свою причастность, а Россия и Китай заняли позицию сторонников презумпции невиновности и в обстреле северокорейской артиллерией южнокорейского острова на следующий год, и в других действиях.

Относительно США можно отметить, что в отличие от администрации Б. Клинтона, поддерживавшей политику «солнечного тепла», первоначальный подход администрации Дж. У. Буша к проблеме был неопределенным. Госсекретарь К. Пауэлл заявил о преемственности, о том, что республиканская администрация «подберет то, что оставил президент Клинтон» [8]. В июне 2001 г. администрация Буша провозгласила свою стратегию в отношении КНДР, которую она определила как активизацию реализации Рамочного соглашения при одновременном более всеобъемлющем подходе к переговорам. Однако вскоре политика «солнечного тепла» для администрации Буша превратилась в раздражитель в отношениях между США и Южной Кореей. При Буше США заняли более сдержанную позицию в отношении вовлечения КНДР в сотрудничество. В условиях, когда Северная Корея настойчиво добивалась проведения двусторонних переговоров с США, те предпочли многосторонние переговоры с привлечением РК, Китая, Японии и России, чтобы разделять с ними ответственность за ядерное нераспространение. Это особенно характерно для периода после 11 сентября 2001 г., когда США обнародовали новую стратегию упреждения международного терроризма и применения ОМУ, оправдывая это тем, что стратегии политического и военного сдерживания, основанные на реагировании на уже случившееся, уже неадекватны [2].

Администрация Буша быстро потеряла доверие к Шестисторонним переговорам. Различия между коренными интересами, переговорными стилями и внутренними приоритетами каждой страны-участницы осложняли этот процесс. Остальные пять участниц переговоров сумели вернуть КНДР за стол переговоров и выработать соглашения по имплементации Совместного заявления. Но переговоры уперлись в нежелание Пхеньяна согласиться на обязательную четкую верификацию.

Критики политики Дж. Буша в США обвиняли ее в неадекватности, в том, что она вызвала рост конфронтации с Северной Кореей, привела к бездействию Рамочного соглашения и вынудила сформировать механизм Шестисторонних переговоров без ясного понимания того, как эти шаги должны были обеспечить свертывание северокорейской ядерной программы. Далее отмечалось, что администрация была чрезмерно занята вторжением в Ирак, где ядерное оружие так и не обнаружилось, тогда как действительно реальной и неотложной ядерной угрозе на Корейском полуострове было позволено выйти из-под контроля. Когда же итоги войны в Ираке оказались проблематичными, администрация Буша не сумела обеспечить прекращение внутренних дебатов, и это сильно ограничило ее способность перейти к политике вовлечения Северной Кореи в конструктивное сотрудничество с помощью какого-то крупного привлекательного предложения [7].

Ко времени прихода к власти администрации Б. Обамы КНДР, согласно некоторым данным, обладала плутонием, достаточным для производства от шести до восьми ядерных зарядов и проявляла мало интереса к шагам по развитию ранее принятых ею обязательств. Администрация Обамы заявила о приверженности дипломатическим методам. Однако Северная Корея отвергла эти подходы и в 2009 г. денонсировала Совместную межкорейскую декларацию о денуклеаризации Корейского полуострова 1992 г., выдворила инспекторов Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) со своих вновь введенных в действие ядерных объектов в Йонбёне, покинула — возможно на время — Шестисторонние переговоры, заявив, что «больше не будет участвовать в таких переговорах» и провела второе ядерное испытание. В ответ США заявили, что их жизненно важный интерес — это полный, поддающийся проверке и необратимый демонтаж (complete, verifiable and irreversible dismantlement — CVID) военной ядерной программы Северной Кореи [4].

Китайская Народная Республика с начала 1990-х гг. избегала активной роли в ходе первого северокорейского ядерного кризиса. В то время Китай делал упор на свой принцип невмешательства и подчеркивал, что данную проблему должны решать непосредственно вовлеченные стороны [12. С. 171—178]. Однако когда разразился второй кризис, он отказался от роли осторожного наблюдателя и занял более активную позицию. После выхода Северной Кореи из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в январе 2003 г., Китай организовал в апреле Трехсторонние переговоры с участием Соединенных Штатов и Северной Кореи, ставшие прологом к Шестисторонним, а в августе 2003 г. уже все шесть сторон впервые собрались, причем, что примечательно, в Пекине.

Подход Китая определяется его потребностью в поддержании внутренней стабильности и поощрении экономического развития. Движущей силой сопротивления КНР жесткой международной реакции на действия КНДР являются опасения, что крах северокорейского режима или вызванный строгими санкциями экономический кризис могли бы породить огромный поток северокорейских беженцев через общую границу. В то же время Пекин иногда вносит конструктивный вклад в разработку и применение жестких санкций СБ ООН в отношении Северной Кореи. Он желает улучшить свой облик в мире и построить более позитивные отношения с США, и достижению данных целей была призвана помочь его роль председателя на Шестисторонних переговорах и по сути дела ведущего посредника между сторонами.

Учитывая тесные отношения Китая с КНДР и несравнимое ни с кем влияние на нее, Китай в случае более глубокого вовлечения в решение проблемы северокорейской ядерной проблемы играл бы ключевую роль в любом ее разрешении. Зависимость Северной Кореи от Китая по линии экономических связей и политической протекции делают его мощной и авторитетной силой. Подход КНР к КНДР, видимо, отражает одновременно и подлинное желание не допустить международных санкций, способных дестабилизировать эту страну, и столь же подлинное желание удержать Пхеньян от тех или иных опрометчивых шагов.

После проведения Северной Кореей второго ядерного испытания в мае 2009 г. Китай проявил больше восприимчивости к идее введения ООН новых санкций.

Но реального воплощения это не нашло [9]. Причина в том, что, хотя денуклеаризация Корейского полуострова желательна для Китая, более актуальный приоритет для Пекина — сохранить Северную Корею на полуострове в качестве жизнеспособного союзника. Теоретически Китай мог бы использовать то, что он является главным источником энергии, продовольствия и других жизненно важных товаров, чтобы заставить Пхеньян отказаться от его военной ядерной программы. Однако в реальности Пекин очень опасается возможных последствий применения такого мощного «рычага» [10]. Больше всего Пекин обеспокоен возможностью военных действий на полуострове, краха государства на Севере, потока северокорейских беженцев в Китай и, тем более, такого воссоединения Кореи, которое привело бы к военному присутствию США к северу от 38-й параллели. Поэтому, хотя Китай выступает за возобновление процесса переговоров, его ценность для Пекина не следует преувеличивать. По сравнению с сохранением КНДР, он стоит гораздо ниже на шкале приоритетов китайской дипломатии [11. С. 13].

Участие Российской Федерации в Шестисторонних переговорах все это время оставалось осторожным, но принципиальным и основывалось на двух принципах, а именно — «свободный от ядерного оружия Корейский полуостров» и «мирное разрешение конфликта». Позиция России полностью соответствует ее последовательной приверженности ДНЯО. Именно СССР в свое время убедил КНДР подписать ДНЯО и обеспечить возможность работы инспекторов МАГАТЭ в качестве условия своего дальнего сотрудничества с Пхеньяном [5. С. 128]. Только после этого Москва согласилась поставить КНДР четыре легководных ядерных реактора.

Россию беспокоит не только то, что северокорейское ядерное оружие поставит под угрозу общий баланс сил в Северо-Восточной Азии, подтолкнув к созданию такого оружия Японию и Южную Корею и, соответственно, ускорению наращивания китайского ядерного потенциала, но и то, что наличие его у КНДР нанесет ущерб глобальным усилиям по нераспространению. Связанные с гонкой вооружений в регионе расходы были бы весьма велики, а цепная реакция ядерного распространения в мире — весьма серьезна. Россия непосредственно также озабочена тем, чтобы избежать вооруженного конфликта или любых неожиданных перемен на Корейском полуострове. Ввиду географической близости к Северной Корее неожиданный крах режима или применение ядерного оружия на Корейском полуострове были бы пагубными для российского Дальнего Востока, поскольку, как известно, и радиация, и беженцы не признают государственные границы.

Эти соображения заставили Россию сопротивляться любым предложениям о применении силы или какой-либо иной схемы, направленной на резкую смену режима в КНДР. Россия придерживается точки зрения, что разрешение нынешнего ядерного кризиса можно найти путем урегулирования через переговоры, и считает, что угрозы, санкции и обвинения против Северной Кореи могут оказаться контрпродуктивны. В то же время уже давно информационные сообщения о контактах российских дипломатов с северокорейскими коллегами содержат одну и ту же констатацию того, что Россия надеется на возобновление шестисторонних переговоров.

Что касается Японии, то она, как страна, пережившая Хиросиму и переживающая Фукусиму, также крайне обеспокоена северокорейской ядерной проблемой. Стабильность в Северо-Восточной Азии критически важна для экономического благополучия этой страны, а военная ядерная программа КНДР (как и ракетная) воспринимается Японией в качестве прямой угрозы национальной безопасности. Основная цель японской политики в отношении КНДР — нормализовать при сотрудничестве с США и РК отношения с ней путем разрешения северокорейской ядерной проблемы.

Вместе с тем японская сторона регулярно поднимает вопрос о похищениях в прошлом северокорейскими агентами японских граждан. Позиция Токио по вопросу об этих похищениях деликатно критикуется остальными участниками Шестисторонних переговоров, которые считают, что прогресс в деле денуклеаризации не следует делать заложником данного важного, но гораздо более частного вопроса. Тем не менее без его решения Токио отказывается предоставлять какую-либо помощь в сфере энергетики или давать иные позитивные стимулы Северной Корее. В сентябре 2002 г. северокорейский лидер Ким Чен Ир принес извинения премьер-министру Д. Коидзуми за похищения, полагая, видимо, что это снимет или хотя бы смягчит вопрос. Однако, напротив, само признание факта похищений резко ухудшило отношение японского общественного мнения к КНДР. Конечно, этот вопрос определенно нуждается в окончательном разрешении, но оно более вероятно лишь в атмосфере улучшения двусторонних отношений. В принципе можно констатировать, что из всех пяти контрагентов Пхеньяна на переговорах Токио занял, по-видимому, наиболее жесткую позицию, тем самым обнажая трещины в региональной многосторонней системе и провоцируя резкие разногласия насчет процедурных вопросов и принципов в отношении развития переговорного процесса [13. С. 72].

Договор о нераспространении ядерного оружия обеспечил основополагающие, хотя и не стопроцентно эффективные правовые рамки для нераспространения ядерных вооружений в мире. В апреле 2010 г. США и Россия подписали новый договор по СНВ, ратифицированный восемь месяцев спустя, а затем на Саммите по ядерной безопасности в Вашингтоне было достигнуто единодушное согласие 47 мировых лидеров предпринять усилия по снижению уязвимости ядерных материалов от террористов.

В контексте глобальной проблемы нераспространения решение северокорейской ядерной проблемы — вопрос, касающийся не только межкорейских отношений, пусть даже наибольшую тревогу она вызывает именно у РК, но уже и важная региональная и глобальная задача. Однако более жесткие нормы и более эффективные институты сами по себе вряд ли смогут решить северокорейскую ядерную проблему, поскольку она выросла из дефицита внутренней и международной безопасности этой страны, а также ее уникальной истории и мировоззрения руководителей [3].

Опыт изучения внешней политики КНДР показывает, что она по-своему является весьма последовательной. Если же в ней происходят какие-то изменения, то они обусловлены переменами во внутренней обстановке и внешними воздействиями. Что касается первых, то при всей видимой неизменности внутренней жиз-

ни, она в некоторых аспектах отличается от той, какой была лет тридцать назад. Влияние же внешних факторов — например, санкций — ограничено балансом сил и далеко не во всем совпадающих интересов присутствующих в регионе государств, все из которых хотели бы в той или иной степени перемен, но никто — катастрофических потрясений. В силу этого не следует преувеличивать значение смены лидеров Северной Кореи. Разумеется, внешняя политика Ким Чен Ира отличалась в некоторых деталях от линии его отца Ким Ир Сена, но определить, при ком из них она была более жесткой или, напротив, склонной к компромиссам, не возьмется никто.

Аналогично, трудно строить предположения насчет того, вернется ли КНДР к переговорам и, если вернется, то в каком формате. После смерти Ким Чен Ира складывалось обоснованное впечатление, что в условиях оказания гуманитарной помощи и компенсации за замораживание ядерной программы, в том числе по линии содействия мирной ядерной программе, а также благодаря политике «солнечного тепла», проводившейся администрацией Ким Дэ Чжуна, эта страна будет постепенно открываться внешнему миру и переходить к более миролюбивой позиции. Однако в новом столетии эти надежды почти не оправдались.

В силу учета данного опыта применительно к новому лидеру Ким Чен Ыну можно лишь предполагать, что позиции Пхеньяна по внешнеполитическим проблемам, включая проблему денуклеаризации, вероятно, и скорее всего будут формироваться как равнодействующая позиций различных неформальных группировок в правящей элите, которая, в свою очередь, будет определяться во все большей степени не столько идеологическими установками, сколько реальными материальными интересами. Можно предполагать, что КНДР по сути, хотя и не декларируя этого, будет также стремиться решать свои проблемы прежде всего посредством контактов с США и Китаем как главными геополитическими акторами в регионе и лишь во вторую очередь — с их региональными союзниками и партнерами.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Наджи Халифе*. Безопасность на Ближнем Востоке и иранская ядерная программа // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». — 2010. — № 4.
- [2] *Byung-joon Ahn*. South-North Korean Relations and the North Korean Nuclear Challenge // *Coping with Korea's Security Challenge*. — Vol. 2. — *Future of ROK-US Alliance*, Institute of Foreign Affairs and National Security, 2003.
- [3] *David C. Kang*. Kim's Nuclear Obsession // *The National Interest* online, 13 April 2010. URL: <http://nationalinterest.org>
- [4] Hillary Clinton, Press Conference at ASEAN Summit, 22 July 2009. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2009a/july/126320.htm>
- [5] *Natalya Bazhanova*. North Korea's Decision to Develop an Independent Nuclear Program // *North Korean Nuclear Program. Security, Strategy and New Perspectives from Russia*. — N.Y., L.: Routledge, 2000.
- [6] *Sung Bae Kim*. How Can an Inter-Korean Summit Contribute to the Denuclearization of North Korea? // *Policy Forum Online* 10—035, 1 July 2010, Nautilus Institute.
- [7] *Patrick M. Morgan*. The Role of the United States in the North Korean Nuclear Crisis // *Korean Security in a Changing East Asia*. — N.Y.: Praeger Security International, 2006.

- [8] Press availability conducted between Colin Powell and Swiss Foreign Minister on March 6, 2001. URL: <http://2001-2009.state.gov/secretary/former/powell/remarks/2001/1116.htm>.
- [9] Shades of Red: China's Debate over North Korea // Crisis Group Asia Report No. 179, 2 November 2009.
- [10] Ted Galen Carpenter. False Hopes // The National Interest online, 11 March 2010. URL: <http://nationalinterest.org>
- [11] The Korean Peninsula: Challenges and Opportunities for Russia // CSCAP Russian National Committee Report, September 2010.
- [12] *Yevgeniy P. Bazhanov, James C. Moltz*. China and the Korean Peninsula: Managing an Unstable Triangle // North Korean Nuclear Program. Security, Strategy and New Perspectives from Russia. — N.Y., L.: Routledge, 2000.
- [13] *Yoichi Funabashi*. The Peninsula Question. — Washington, DC.: Brookings Institution Press, 2007.

NONPROLIFERATION OF NUCLEAR WEAPONS AND THE NUCLEAR PROGRAM OF THE DPRK

Park Sang Hoon

Institute of Foreign Affairs and National Security (Republic of Korea)
Republic of Korea, Seoul, Seocho-dong, Seocho-gu, 137-8631, 3-76-2

The article analyzes the contemporary aspects of the nuclear weapon nonproliferation issue as exemplified by the international approaches to the DPRK nuclear weapons program, as well as the international community efforts to resolve it, in particular via the Six-Party Talks.

Key words: Non-Proliferation Treaty (NPT), IAEA, North Korea, nuclear program, nuclear problem, Six-Party Talks.